

фридрих

НИЦШЕ

учиться у заратустры
с комментариями и объяснениями

быть великим — значит
давать направление

сорадость,
а не сострадание
создает друга

любовь вожделеет,
страх избегает

человек — это канат
над пропастью

Философия на пальцах

Фридрих Ницше
Учиться у Заратустры

«Издательство АСТ»

1878, 1885, 1886

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

Ницше Ф. В.

Учиться у Заратустры / Ф. В. Ницше — «Издательство АСТ»,
1878, 1885, 1886 — (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-096759-9

Фридрих Ницше – мыслитель, который помогает людям обрести самое себя, стать собой и даже превзойти себя. Этому, в частности, учит его Заратустра – пророк, мятежник, Сверхчеловек, альтер-эго автора. То, как Ницше это делает, до сих пор остается загадкой и является необыкновенно притягательным. Его работы предельно откровенны, истины шокируют, но в то же время помогают читателю задуматься над собственными действиями, переосмыслить их, найти в себе силы идти против течения и главное – понять свое предназначение в жизни и двигаться вперед выбранным путем. При этом Ницше не предлагает никакой методики, не дает никаких указаний, его рассуждения всегда символичны, понимать их можно по-разному. Каждый берет то, в чем нуждается в данный момент. Поэтому всякий раз в произведениях философа можно открывать для себя что-то новое и удивляться, что ранее оно осталось незамеченным. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-096759-9

© Ницше Ф. В., 1878, 1885, 1886
© Издательство АСТ, 1878, 1885, 1886

Содержание

Драма неприкаянной души	6
Человеческое, слишком человеческое	11
Предисловие	12
Отдел первый	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Фридрих Вильгельм Ницше

Учиться у Заратустры

© С.Л. Франк (наследники), перевод с немецкого, 2017

© С.Ю. Нечаев, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Драма неприкаянной души

Фридрих Вильгельм Ницше родился 15 октября 1844 года в Рёккене (недалеко от Лейпцига, провинция Саксония, которая тогда входила в состав Пруссии).

Родился он в глубоко религиозной семье – его дед, отец и дядя были лютеранскими пасторами, а назван он был в честь короля Фридриха Вильгельма IV, день рождения которого совпал с его днем рождения.

Мальчик получил очень религиозное воспитание. Он был серьезным и уравновешенным, мало участвовал в детских играх и сторонился незнакомых людей. В 1849 году, после смерти отца (тот упал с лестницы, сильно ударился головой о каменные ступени и умер после целого года изнурительных страданий), семья переехала в Наумбург, где маленький Фридрих Вильгельм поступил в гимназию. А с 1858 года он уже учился в знаменитой школе Пфорта, что под Наумбургом. Там все давалось ему легко, хотя из-за своей невероятной тщательности он и засиживался над учебниками до полуночи.

С 1862 года Ницше начал мучиться регулярными головными болями, а в середине октября того же года покинул Наумбург и отправился в Боннский университет, где поступил на филологический факультет. С 1865 года он продолжил обучение в Лейпциге, куда последовал за своим учителем – профессором филологии Фридрихом Ричлем.

С 1869 по 1879 гг. Ницше уже сам был профессором Базельского университета по отделению классической филологии. А докторскую степень ему присудили без защиты – на основании статей, опубликованных в «Рейнском научном журнале».

Перед переездом в Швейцарию Ницше освободился от прусского подданства: отныне и впредь он жил вообще без гражданства.

Еще в Бонне он постоянно разрывался между филологией, теологией и музыкой, не решаясь остановиться на чем-нибудь одном. И именно в это время в одном из книжных магазинов он случайно увидел издание неизвестного ему до того времени автора. Это была книга «Мир как воля и представление» Артура Шопенгауэра. Ницше стал перелистывать ее и... «Не знаю, – написал он потом, – какой демон шепнул мне, чтобы я купил эту книгу. Придя домой, я с жадностью раскрыл ее, весь отдавшись во власть энергичного, мрачного, но гениального автора».

Ницше поразили глубина идей и сарказм Шопенгауэра, его тонкий вкус и широкий размах. Его потрясло презрение философа к людям, к их мелочным заботам и корыстным интересам. Молодой ученый пришел к мысли о том, что человек сильно зависит от условий своего существования, и это его сближает с животным.

Ницше казалось, что этот гений обращался к нему одному. И он безоговорочно принял мрачный шопенгауэровский мир. Он был очарован мудростью и могучей энергией философа. В апреле 1866 года Ницше написал: «Три вещи в мире способны успокоить меня, но это редкие утешения: мой Шопенгауэр, Шуман и одинокие прогулки». Он стал называть Шопенгауэра своим отцом и говорил о нем так: «Это самый истинный из всех философов. В нем нет никакой притворной чувствительности; душа его преисполнена смелостью, а это главная добродетель вождя». В одной из записных книжек Ницше того времени можно найти такую запись: «Век Шопенгауэра включает в себе здоровый, проникнутый идеалом пессимизм, серьезную, мужественную силу, вкус ко всему простому и здоровому. Шопенгауэр – это философ воскресшего классицизма, германского эллинизма».

Влияние, которое имел на Ницше Шопенгауэр, было обусловлено двумя главными качествами этого философа: его честностью и его постоянством. Он был честен, так как, не заботясь о внешнем успехе, в своих работах обращался только к самому себе; он был постоянен, потому что такова его природа. Шопенгауэр искал в философии не самоуспокоения, а истины. Как отмечает русский философ и публицист князь Е.Н. Трубецкой, «в нем правдолюбие взяло

верх над животным стремлением к счастью. Поставивши вопрос о цели и смысле существования, тот философский вопрос, который Ницше справедливо считал центральным, он не побоялся разрешить его в отрицательном смысле и разрушить иллюзию счастья». Именно поэтому Ницше нашел в Шопенгауэре величайший тип философа, не пугающегося никаких выводов.

А 8 ноября 1868 года произошло еще одно знаменательное событие в жизни Ницше – он познакомился со знаменитым композитором Рихардом Вагнером. Ницше был восхищен этой первой поистине гениальной творческой личностью, встреченной им на жизненном пути. Но его пленила не шумная слава Вагнера, а мятежный дух и подлинно независимое миропонимание. Ницше казалось, что Вагнеру удалось переложить на музыку философскую систему Шопенгауэра.

А в 1870 году, во время Франко-прусской войны, Ницше решил отправиться на фронт, но нейтральная Швейцария разрешила ему стать лишь санитаром. Сопровождая транспорт раненых в Карлсруэ, Ницше заразился дизентерией и дифтеритом, провел неделю в Эрлангенском госпитале, находясь между жизнью и смертью. Война надломила духовное и физическое здоровье молодого человека: с тех пор к нему уже никогда не возвращались ни спокойный сон, ни уравновешенное настроение.

Последующие годы Ницше жил главным образом в Швейцарии и в Италии. Под влиянием мыслей Шопенгауэра и эстетических идей Вагнера он перешел от занятий классической филологией к философии. При этом его продолжали мучить сильные головные боли. «Несколько раз спасенный от смерти у самого ее порога и преследуемый страшными страданиями – так я живу изо дня в день; каждый день имеет свою историю болезни», – так он сам описывал в письме к другу страдания, которые испытывал на протяжении многих лет.

Из-за болезни Ницше вынужден был оставить преподавание в университете.

Зиму 1876–1877 гг. Ницше провел в мягком климате Сорренто, где жил в обществе нескольких друзей: из Рима приехала его давняя приятельница Мальвида фон Мейзенбух (автор известных «Мемуаров идеалистки»); из Восточной Пруссии прибыл доктор Пауль Рэ, с которым Ницше связала крепкая дружба.

Увы, пребывание на юге не облегчило его мук. С начала 1879 года каждодневные приступы болезни Ницше сопровождалась непрерывной рвотой. Он недолго и безуспешно лечился в Женеве. После оставления профессорской должности в Базельском университете по состоянию здоровья Ницше назначили ежегодную пенсию в 3000 франков. Он вел отшельническую жизнь в Италии и в Швейцарских Альпах, в Энгадине, в маленькой деревушке Сильс-Мария.

12 ноября 1887 года Ницше написал своему другу Францу Овербеку: «Мне кажется, что для меня замкнулась своего рода эпоха; обратный просмотр был бы как нельзя более уместен. Десятилетие болезни, больше чем десятилетие, и не просто болезни, от которой существовали бы врачи и лекарства. Знает ли, собственно, кто-либо, что сделало меня больным? Что годами держало меня возле смерти в жажде смерти? Не думаю. Если исключить Вагнера, то никто еще не шел мне навстречу с тысячной долей страсти и страдания, чтобы найти со мною “общий язык”; так был я уже ребенком один, я и сегодня еще один, в свои 44 года. Это ужасное десятилетие, оставшееся за мною, вдоволь дало мне отведать, что значит быть в такой степени одиноким, уединенным: что значит одиночество страдающего, который лишен всякого средства хотя бы сопротивляться, хотя бы “защищать себя”. Круг чтения: Монтень, письма Галиани к мадам д’Эпине, дневник Гонкуров. Выход в свет “Генеалогии морали”. И, как всегда, музыка, музыка, музыка... Меня раздражает все, что нельзя выразить музыкой».

В 1888 году, уже охваченный безумием, Ницше пытался создать историю своей жизни. Не вышло. И 11 августа того же года он написал своему другу и поверенному в издательских делах Генриху Кёзелицу, взявшему псевдоним Петер Гаст: «Может быть, я зашел слишком далеко – не в содержании, а в манере выражаться?» А Мальвиде фон Мейзенбух он признался: «Иногда для того чтобы стать бессмертным, надо заплатить ценою целой жизни! <...> Старый

соблазнитель Вагнер, хотя и мертвый, продолжает похищать у меня тех людей, до которых могли бы достигнуть мои творения». И еще из письма к ней: «Для того чтобы выносить мои произведения, надо иметь великую душу. Я очень счастлив, что восстановил против себя все слабое и добродетельное».

С этого момента наступил перелом в философском миропонимании Ницше. Он разочаровался в Вагнере и почувствовал отвращение к Шопенгауэру, который до того был главным его учителем в философии. Дело в том, что учение Шопенгауэра не могло дать ответа на вопрос о смысле жизни индивида, то есть именно на тот вопрос, который с самого начала был для Ницше центральным. Философия Ницше была безоглядной проповедью человеческого эгоизма, он искал в ней прежде всего оправдание индивида, а с точки зрения Шопенгауэра, все индивидуальное вообще и всякий процесс есть пустота, есть ложь, есть нечто, подлежащее упразднению. А вот основной упрек Ницше к музыке Вагнера сводился к следующему: это «искусство, которое отрицает гармонию существования и видит ее за пределами мира», где все существующее сливается в безразличное единство и где нет места для разнообразия индивидуальных существ.

Постепенно все ученики покинули Ницше, а немецкие филологи объявили его «человеком, умершим для науки».

А 3 января 1889 года последовал апоплексический удар прямо на улице. За ним – окончательное затмение. Обеспокоенный этим Овербек проконсультировался с психиатрами и доставил Ницше в Базель. Там 10 января больного поместили в психиатрическую клинику. Диагноз: «Paralysis progressiva» (прогрессирующий паралич). 17 января мать отвезла больного сына в психиатрическую клинику Йенского университета. Безумие Ницше было несомненно, однако природа этого до сих пор остается загадкой.

Некоторые считают, что его жестокий душевный недуг – это Божественная кара за непокорность мысли и гордыню. В журнале «Вопросы философии и психологии» за 1892 год так и было заявлено: «Какой великий и поучительный пример представляет судьба этого несчастного гордеца, попавшего в дом умалишенных... Истинный ужас наводит это великое и заслуженное наказание злополучного безбожника, вообразившего себя Богом».

20 апреля 1897 года мать Ницше умерла, а незадолго до этого сестра перевезла больного брата в Веймар. Там Ницше и скончался 25 августа 1900 года. Ему было всего 55 лет.

За год до этого Петер Гаст начал издание полного собрания сочинений Ницше.

Писать Ницше мог только в промежутках между приступами болезни, однако написал он немало. Его основными произведениями стали книги «Несвоевременные размышления», «О пользе и вреде истории для жизни», «Шопенгауэр как воспитатель», «Человеческое, слишком человеческое», «Веселая наука», «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «К генеалогии морали», «Казус Вагнер», «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», «Антихрист. Проклятие христианству», «Ессе Номо. Как становятся сами собою», «Воля к власти» и др.

Работы Ницше делятся на две группы, что в целом соответствует двум этапам развития видений их автора. Первая группа включает в себя ранние работы, посвященные проблемам предназначения человека и написанные под воздействием Шопенгауэра. Во второй группе заметен отказ от идей Шопенгауэра в пользу «переоценки всех ценностей». В этих работах излагается философская концепция уже самого Ницше: центральное место там занимают понятия «воля к власти» и «сверхчеловек».

Соответственно, в философской деятельности Ницше различаются два ясно очерченных периода, причем гранью между этими двумя периодами служит 1876 год, когда Ницше окончательно разочаровался в Шопенгауэре и Вагнере. И второй период стал собственно ницшеанским («периодом заратустризма», по выражению Петера Гаста). Он знаменовал собой корен-

ной перелом в его мировоззрении, и в нем произошел переход от метафизики Шопенгауэра к позитивизму, то есть к принципиальному отрицанию всякой метафизики.

Следует отметить, что идеи Ницше оказали очень большое влияние на современную философию. Пожалуй, ни одного автора не цитировали так часто, как Ницше (его стиль чрезвычайно афористичен). Многие страницы работ и даже целые книги Мартина Хайдеггера, Николая Бердяева, Семена Франка и других выдающихся философов посвящены анализу его наследия, полемике с ним, пронизаны неприятием его идей или преклонением перед ними.

Так, Бердяев в своей работе «Смысл творчества» писал: «Ницше – предтеча новой религиозной антропологии. Через Ницше новое человечество переходит от безбожного гуманизма к гуманизму Божественному, к антропологии христианской. Ницше – инстинктивный... пророк религиозного возрождения Запада. Ненависть Заратустры к последнему человеку, изобретшему счастье, есть священная ненависть к унижительной лжи гуманизма. Заратустра проповедует творчество, а не счастье, он зовет к подъему на горы, а не к блаженству на равнине. Гуманизм – равнина, гуманизм не выносит гор. Ницше почуял, как никто еще и никогда на протяжении всей истории, творческое призвание человека, которого не признавала ни антропология святоотеческая, ни антропология гуманистическая. Он проклял добрых и справедливых за то, что они ненавидят творящих. Муку Ницше мы должны разделить, она насквозь религиозна».

Деятели русского символизма Вячеслав Иванов и Дмитрий Мережковский обратились к творчеству Ницше как к мировоззрению, в основе которого лежит вера в абсолютные ценности духа, в нем видели предвестника новой культуры, создателя нового типа человека – свободного, гордого, смелого и талантливое.

«Молодые представители символизма отождествляли себя с Заратустрой, искренне пытались играть его роль пророка, мятежника и бунтовщика против ценностей старой культуры. Провозглашая художника сверхчеловеком, они видели долг творческой личности в свободном от авторитетов выражении себя, своего отношения к миру», – пишет Юлия Синеокая, исследователь творчества философа.

Сверхчеловек Ницше воспринимался не как разрушитель культуры и веры, а напротив, как хранитель идеалов и духовных ценностей, доступных индивиду (личности), но не обществу в целом.

«Глубина духовной культуры Ницше и многообразие содержания его идей давали возможность подходить к нему с разных сторон, понимать и ценить его с самых различных точек зрения», – отмечал Семен Франк в работе «Фридрих Ницше и этика любви к дальнему».

Немецкий философ Алоиз Риль видел в Ницше «философа культуры», а Георг Зиммель считал его родоначальником этики «благородства». Однако ни то, ни другое определение – не говоря уже о множестве прочих, менее удачных – не раскрывают нравственный облик Ницше, и вполне допустимы совершенно иные его характеристики.

Например, немецкий философ Ганс Файхингер писал о нем так: «С одной стороны, учение Ницше разрушительно и в руках неосторожных и незрелых может действовать как умственный и нравственный динамит. Но с другой стороны, оно может вывести нас из “догматической дремоты” и принудить пересмотреть и заново обосновать наши интеллектуальные и моральные ценности... Одни осудят это учение, другие станут восхвалять, третьи частью примут его, частью отвергнут. Но все согласятся, что это учение – заслуживающий внимания и важный фермент времени. Мы сказали бы слишком мало, если бы признали просто, что оно “будит” нашу мысль. Оно не только будит, но и заставляет задуматься».

Князь Е.Н. Трубецкой в критическом очерке «Философия Ницше» утверждал, что Ницше ниспровергал «идолов» современного человечества и разрушал «его капища», то есть святилища, а на их развалинах хотел «воздвигнуть новую святыню».

Вообще в России на рубеже XIX–XX веков популярность Ницше была очень высокой. Пожалуй, максимальной. Связано это было с тем, что в это время в стране имел место кризис ценностей. Традиционные идеалы и ориентиры русской интеллигенции тогда потускнели и начинался поиск нового. При этом марксизм только еще завоевывал себе сторонников, а идеология народничества уже практически дискредитировала себя. Таким образом, Россия оказалась в идеологическом вакууме, и тут именно Ницше помог русским интеллектуалам обрести свободу духа.

А вот в начале 20-х годов XX века труды Ницше были изъяты из «интеллектуального оборота». В Советском Союзе сочинения Ницше не издавались: считалось, что его идеи использовали для создания своей идеологии фашисты. И только с началом горбачевской перестройки Ницше перестал быть *persona non grata*.

Сергей Нечаев

Человеческое, слишком человеческое

Книга для свободных умов

«Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister) – это философская работа Ницше, которую он начал в Сорренто (Италия), куда переехал осенью 1876 года, прекратив по состоянию здоровья преподавание в университете. Первоначально книга вышла в двух томах. Первый появился в мае 1878 года в издательстве Эрнста Шмайцнера в Хемнице. На заглавном листе стоял подзаголовок: «Памяти Вольтера. Посвящается столетней годовщине со дня его смерти 30 мая 1778 года». Работа эта произвела впечатление разорвавшейся бомбы, вызвав очень бурный резонанс. Например, Рихард Вагнер весьма агрессивно выступил против нее, что поссорило Ницше с композитором и его артистическим окружением. А вот швейцарский профессор Якоб Буркхардт поддержал работу, назвав «державной книгой» и «книгой, увеличившей независимость в мире».

Сам Ницше написал о своей работе так: «Возникновение этой книги относится к неделям первых байройтских фестшпилей [фестивалей]; глубокая отчужденность от всего, что меня там окружало, есть одно из условий ее возникновения <...> В Клингенбрунне, глубоко затерянном в лесах Богемии, носил я в себе, как болезнь, свою меланхолию и презрение к немцам и вписывал время от времени в свою записную книжку под общим названием “Сонник” тезисы, сплошные жесткие psychologica».

Эта книга стала переломной в философии Ницше. Налицо был явный разрыв с прежними ценностями: метафизикой, Вагнером и т. д. В этой книге Ницше впервые обрушился с критикой на современное ему общество, выступил как нигилист и аморалист. Он, по его собственным словам, решительно восстал против идеализма и всяческого мошенничества высшего порядка. Это было связано с его знакомством с философом-позитивистом и психологом Паулем Рэ (они вместе приехали в Сорренто). Тот подарил Ницше свою книгу «Происхождение моральных чувств», и она сыграла важную роль в трансформации ницшеанского мировоззрения. Не случайно «злые языки» назвали этот перелом «беспощадным реализмом».

В критическом очерке «Философия Ницше» Евгений Трубецкой писал, что книга «Человеческое, слишком человеческое» «проникнута скептическим отношением к разуму; именно здесь пространно развивается тема о нелогичности всей нашей жизни, о неспособности нашего разума к познанию, вследствие чего, строго говоря, нам следовало бы воздерживаться от всяких суждений. В этой же книге бессилие человеческого разума объясняется тем, что он является орудием нашей воли, наших страстей».

Предисловие

1

Довольно часто и всегда с большим удивлением мне говорили, что есть что-то общее и отличительное во всех моих произведениях, начиная с «Рождения трагедии» вплоть до недавно опубликованного «Пролога к философии будущего»: все они содержат – говорили мне – западни и сети для неосторожных птиц и едва ли не постоянный незаметный призыв к перевороту всех привычных оценок и ценимых привычек. Как? *Все* это только – человеческое, слишком человеческое? К этому вздоху приводит чтение моих произведений; читатель испытывает некоторого рода пугливость и недоверие даже к морали, более того, его немало искушает и поощряет к защите худших вещей мысль: а что, если это – только наилучшим образом оклеветанные вещи?

Работа «Рождение трагедии из духа музыки» (Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik). Это эстетический трактат, над которым Ницше трудился с осени 1869 года по ноябрь 1871 года. Он был опубликован в 1872 году и переиздан в 1886 году с предисловием «Опыт самокритики» и подзаголовком «Эллингство и пессимизм».

Мои произведения называли школой подозрения, еще более – школой презрения, к счастью, также школой мужества и даже дерзости. И действительно, я и сам не думаю, чтобы кто-то когда-либо глядел на мир с таким глубоким подозрением, как я, и не только в качестве случайного адвоката дьявола, но и – выражаясь богословски – в качестве врага и допросчика Бога; и кто угадывает хоть что-нибудь из последствий всякого глубокого подозрения – из озноба и тревог одиночества, на которые осуждает всякая безусловная *различность взора*, – тот поймет также, как часто, чтобы отдохнуть от себя и как бы временно забыть себя, я тщился приютиться где-либо – в какой-либо почтительности, или вражде, или научности, или шаловливости, или глупости, а также почему, когда я не находил того, что мне было *нужно*, мне приходилось искусственно овладевать им, подделывать и сочинять себе это (и разве поэты делали когда-либо что другое? и для чего же и существует все искусство на свете?). Но что мне было всегда нужнее всего для моего лечения и самовосстановления, так это вера, что я *не* одинок в этом смысле, что мой *взор* не одинок, – волшебное чаяние родства и равенства во взоре и вожделевании, доверчивый покой дружбы, слепота вдвоем, без подозрений и знаков вопроса, наслаждение внешностью, поверхностью, близким и ближайшим – всем, что имеет цвет, кожу и видимость. Может быть, в этом отношении меня можно уличить в кое-каком «искусстве» и признать тонким фальшивомонетчиком; уличить, например, в том, что я намеренно-умышленно закрывал глаза на шопенгауэровскую слепую волю к морали в ту пору, когда я уже ясно различал в делах морали, а также что я обманывал себя насчет неизлечимого романтизма Рихарда Вагнера, как если бы он был началом, а не концом; а также насчет греков, а также насчет немцев и их будущности – и, может быть, наберется еще целый длинный список этих «также»? – Но допустим, что все это так, что во всем этом можно с полным основанием уличить меня; что же *вы* знаете, что *можете* вы знать о том, сколько хитрости самосохранения, сколько разума и высшей предосторожности содержится в таком самообмане – и сколько лживости мне еще *нужно*, чтобы я мог всегда сызнова позволять себе роскошь *моей* правдивости?.. Довольно, я еще живу; а жизнь уж так устроена, что она основана не на морали; она *ищет* заблуждения, она *живет* заблуждением... но не правда ли? я опять уже принялся за свое, начал делать то, что

делаю всегда, – я, старый имморалист и птицелов, – говорить безнравственно, вненравственно, «по ту сторону добра и зла»? —

Имморалист – не признающий никаких нравственных норм, отрицающий вообще всякий идеал. Ницше многократно высказывался в этом смысле. С его точки зрения, философия должна быть имморализмом, то есть совершенным отрицанием нравственности.

Е. Трубецкой замечал, что в книге «Человеческое, слишком человеческое» ясно «обрисовываются основные черты “имморализма” нашего философа; уже здесь перед ним носится идеал личности, возвысившейся над противоположностью добра и зла, “свободно и бесстрашно парящей над людьми, нравами, законами и обычными оценками вещей”; здесь мы несомненно имеем дело с идеалом “сверхчеловека”, хотя и без этого названия».

2

– Так, однажды, когда мне это было нужно, я *изобрел* для себя и «свободные умы», которым посвящена эта меланхолично-смелая книга под названием «Человеческое, слишком человеческое»; таких «свободных умов» нет и не было – но, повторяю, общение с ними было мне нужно тогда, чтобы сохранить хорошее настроение среди худого устройства (болезни, одиночества, чужбины, *acedia*¹, бездеятельности); они были мне нужны как бравые товарищи и призраки, с которыми болтаешь и смеешься, когда есть охота болтать и смеяться, и которых посылаешь к черту, когда они становятся скучными, – как возмещение недостающих друзей. Что такие свободные умы *могли бы* существовать, что наша Европа *будет* иметь среди своих сыновей завтрашнего и послезавтрашнего дня таких веселых и дерзких ребят во плоти и осязательно, а не, как в моем случае, в качестве схем и отшельнической игры в тени – в этом я менее всего хотел бы сомневаться. Я уже вижу, как они *идут*, медленно-медленно; и, может быть, я содействую ускорению их прихода, описывая наперед, в чем я *вижу* условия и пути их прихода? —

3

Можно предположить, что душа, в которой некогда должен совершенно созреть и налиться сладостью тип «свободного ума», испытала, как решающее событие своей жизни, *великий разрыв* и что до этого она была тем более связанной душой и казалась навсегда прикованной к своему углу и столбу. Что вяжет крепче всего? Какие путы почти неразрывны? У людей высокой и избранной породы то будут обязанности – благоговение, которое присуще юности, робость и нежность ко всему издревле почитаемому и достойному, благодарность почве, из которой они выросли, руке, которая их вела, святилищу, в котором они научились поклоняться; их высшие мгновения будут сами крепче всего связывать и дольше всего обязывать их. Великий разрыв приходит для таких связанных людей внезапно, как подземный толчок: юная душа сразу сотрясается, отрывается, вырывается – она сама не понимает, что с ней происходит. Ее влечет и гонит что-то, точно приказание; в ней просыпается желание и стремление уйти, все равно куда, во что бы то ни стало; горячее опасное любопытство по неоткрытому миру пламенеет и пылает во всех ее чувствах. «Лучше умереть, чем жить *здесь*» – так звучит повелительный голос и соблазн; и это «здесь», это «дома» есть все, что она

¹ Уныние, безразличие, апатия (лат.).

любила доселе! Внезапный ужас и подозрение против того, что она любила, молния презрения к тому, что звалось ее «обязанностью», бунтующий, произвольный, вулканически пробивающийся порыв к странствию, чужбине, отчуждению, охлаждению, отрезвлению, оледенению, ненависть к любви, быть может, святотатственный выпад и взгляд *назад*, туда, где она доселе поклонялась и любила, быть может, пыл стыда перед тем, что она только что делала, и вместе с тем восторженная радость, что *она* это делала, упоенное внутреннее радостное содрогание, в котором сказывается победа – победа? над чем? над кем? – загадочная, чреватая вопросами и возбуждающая вопросы победа, но все же *первая* победа – такие опасности и боли принадлежат к истории великого разрыва. Это есть вместе с тем болезнь, которая может разрушить человека, – этот первый взрыв силы и воли к самоопределению, самоустановлению ценностей, эта воля к *свободной* воле; и какая печать болезненности лежит на диких попытках и странностях, посредством которых освобожденный, развязавшийся стремится теперь доказать себе свою власть над вещами! Он блуждает, полный жестокости и неудовлетворенных вожделений; все, чем он овладевает, должно нести возмездие за опасное напряжение его гордости; он разрывает все, что возбуждает его. Со злобным смехом он опрокидывает все, что находит скрытым, защищенным какой-либо стыдливостью; он хочет испытать, каковы все эти вещи, *если* их опрокинуть. Из произвола и любви к произволу он, быть может, дарует теперь свою благосклонность тому, что прежде стояло на плохом счету, – и с любопытством и желанием испытывать проникает к самому запретному. В глубине его блужданий и исканий – ибо он бредет беспокойно и бесцельно, как в пустыне, – стоит знак вопроса, ставимый все более опасным любопытством. «Нельзя ли перевернуть *все* ценности? И, может быть, добро есть зло? А Бог – выдумка и ухищрение дьявола? И, может быть, в последней своей основе все ложно? И если мы обмануты, то не мы ли, в силу того же самого, и обманщики? И не *должны* ли мы быть обманщиками?» – такие мысли отвращают и совращают его все дальше и дальше в сторону. Одиночество окружает и оцепляет его, становится все грознее, удушливей, томительней, эта ужасная богиня и *mater saeva cupidinum*² – но кто еще знает нынче, что такое *одиночество*?..

Ганс Файхингер в работе «Ницше как философ» писал: «В большой публике известно лишь то учение Ницше, которое можно назвать, по его собственному выражению, “по ту сторону добра и зла”. Оно состоит в утверждении, что обычное различие добра и зла неверно. Оно заключается в отрицании или, лучше, в переоценке всех прежних моральных ценностей, в признании морали, противной природе, “противоестественном” (*widernatur*) и в замене ее естественной моралью “сверхчеловека”, который, не заботясь об этой псевдоморальной оценке, беспрепятственно проводит свою естественную “волю к могуществу”. То, что толпа называет “моралью” и считает священным, – ничтожный фетиш, презираемый сильным и умным. Сверхчеловек не руководствуется традиционным разграничением добра и зла».

4

От этой болезненной уединенности, из пустыни таких годов испытания еще далек путь до той огромной, бьющей через край уверенности, до того здоровья, которое не может обойтись даже без болезни как средства и уловляющего крючка для познания, – до той *зрелой* свободы духа, которая в одинаковой мере есть и самообладание, и дисциплина сердца и открывает пути ко многим и разнородным мировоззрениям, – до той внутренней просторности и изба-

² Дикая мать похотей (*лат.*).

лованности чрезмерным богатством, которая исключает опасность, что душа может потерять самое себя на своих собственных путях или влюбиться в них и в опьянении останется сидеть в каком-нибудь уголку, – до того избытка пластических, исцеляющих, восстанавливающих и воспроизводящих сил, который именно и есть показатель *великого* здоровья, – до того избытка, который дает свободному уму опасную привилегию жить *риском* и иметь возможность отдаваться авантюрам – привилегию истинного мастерства, признак свободного ума! Посередине, быть может, лежат долгие годы выздоровления, годы, полные многоцветных, болезненно-волшебных изменений, руководимые упорной *волей к здоровью*, которая уже часто отваживается рядиться и играть роль настоящего здоровья. Среди этого развития встречается промежуточное состояние, о котором человек, испытавший такую судьбу, позднее не может вспомнить без трогательного чувства: счастье окружает его, подобно бледному, тонкому солнечному свету, он обладает свободой птицы, горизонтом и дерзновением птицы, чем-то третьим, в чем любопытство смешано с нежным презрением. «Свободный ум» – это холодное слово дает радость в таком состоянии, оно почти греет. Живешь уже вне оков любви и ненависти, вне «да» и «нет», добровольно близким и добровольно далеким, охотнее всего ускользая, убегая, отлетая, улетающая снова прочь, снова вверх; чувствуешь себя избалованным, подобно всякому, кто видел *под* собой огромное множество вещей, – и становишься антиподом тех, кто заботится о вещах, которые его не касаются. И действительно, свободного ума касаются теперь вещи, – и как много вещей! – которые его уже *не заботят*... <...>

Отдел первый

О первых и последних вещах

1

Химия понятий и чувств. Философские проблемы принимают теперь опять почти во всех областях ту же форму, какую они имели две тысячи лет назад: как может что-либо возникнуть из своей противоположности, например разумное из неразумного, ощущающее из мертвого, логика из нелогического, бескорыстное созерцание из вожделеющего хотения, жизнь для других из эгоизма, истина из заблуждений? Метафизическая философия одолевала доселе эту трудность тем, что отрицала возникновение одного из другого и в отношении более высоко ценимых вещей принимала чудесное происхождение непосредственно из ядра и существа «вещи в себе». Напротив, историческая философия, которую вообще нельзя уже мыслить отдельно от естествознания и которая есть самый новый из всех философских методов, установила в отдельных случаях (и, вероятно, к такому результату она придет во всех случаях), что это вообще не противоположности – разве только в обычном преувеличении популярного или метафизического понимания – и что в основе этого противопоставления лежит заблуждение разума; согласно ее объяснению, не существует, строго говоря, ни неэгоистического поведения, ни совершенно бескорыстного созерцания: то и другое суть лишь утончения, в которых основной элемент кажется почти испарившимся, так что лишь самое тонкое наблюдение может обнаружить его присутствие. – В чем мы нуждаемся и что лишь при современном уровне отдельных наук может быть нам дано – есть *химия* моральных, религиозных, эстетических представлений и чувств, равно как всех душевных движений, которые мы испытываем в крупных и мелких отношениях культурной и общественной жизни и даже в одиночестве; а что, если эта химия закончилась бы выводом, что и в этой области самые роскошные краски добыты из низменного, презираемого материала? Многие ли будут иметь охоту подчиниться таким исследованиям? Человечество любит заглушать в своем сознании вопросы о происхождении и началах; и не нужно ли почти лишиться человеческого облика, чтобы почувствовать в себе противоположное влечение? —

2

Наследственный недостаток философов. Все философы обладают тем общим недостатком, что они исходят из современного человека и мнят прийти к цели через анализ последнего. Непроизвольно им предносится «человек» вообще как некая *aeterna Veritas*³, как неизменное во всеобщем потоке, как надежное мерило вещей. Однако всё, что философ высказывает о человеке, есть, в сущности, не что иное, как свидетельство о человеке *весьма ограниченного* промежутка времени.

Отсутствие исторического чувства есть наследственный недостаток всех философов; многие из них принимают даже самоновейшую форму человека, возникшую под влиянием определенных религий, иногда просто под влиянием определенных политических событий, за прочную форму, из которой следует исходить. Они не хотят усвоить того, что человек есть продукт развития, что и его познавательная способность есть продукт развития, тогда как некоторые из них хотят даже вывести весь мир из этой познавательной способности. – Но все *суще-*

³ Вечная Истина (лат.).

ственное в человеческом развитии произошло в первобытные времена, задолго до тех 4000 лет, которые мы приблизительно знаем; в этот последний промежуток человек вряд ли сильно изменился. Философ же видит «инстинкты» в современном человеке и признает, что они принадлежат к неизменным фактам человеческой жизни и в этом смысле образуют даже ключ к пониманию мира вообще: вся телеология построена на том, что о человеке последних четырех тысячелетий говорят как о *вечном* человеке, к которому все вещи в мире изначально имеют естественное отношение. Однако всё возникло; не существует *вечных фактов*, как не существует абсолютных истин. – Следовательно, отныне необходимо *историческое философствование*, а вместе с ним и добродетель скромности.

3

Оценка незаметных истин. Признаком высшей культуры является более высокая оценка маленьких, незаметных истин, найденных строгими методами, чем благодетельных и ослепительных заблуждений, обязанных своим происхождением метафизическим и художественным эпохам и людям. Первые непосредственно встречаются насмешкой, как будто не может быть и речи об их равноценности последним: ведь по сравнению с блеском, красотой, упоительностью и, быть может, благодетельностью последних они кажутся такими скромными, простыми, трезвыми и, по-видимому, даже наводящими уныние. Однако добытое упорным трудом, достоверное, длительное и потому полезное для всякого дальнейшего познания есть все же высшее; держаться его – значит действовать мужественно и свидетельствует о смелости, непритязательности и воздержности. Постепенно не только отдельная личность, но и все человечество возвысится до этой мужественности, когда оно наконец приучится больше ценить прочные, длительные познания и потеряет веру во вдохновение и чудесное приобретение истин. – Правда, почитатели *форм* с их мерилем прекрасного и возвышенного будут сначала иметь основания насмехаться, когда начнет преобладать научный дух и оценка незаметных истин, но лишь потому, что их взору еще не открылась прелесть простейшей формы, или же потому, что воспитанные в этом духе люди еще долго не проникнутся им всецело и внутренне, так что они все еще будут бессмысленно подражать старым формам (и притом довольно плохо, как всегда, когда не придают большого значения тому, что делают). Некогда дух не был занят строгим мышлением, и тогда он серьезно посвящал себя выдумыванию символов и форм. Теперь это изменилось; такое серьезное отношение к символическому стало признаком низкой культуры. Подобно тому как сами наши искусства становятся все более интеллектуальными и наши чувства – все более духовными, как, например, мы теперь совсем иначе судим о чувственном благозвучии, чем сто лет тому назад, – так и формы нашей жизни становятся все более *духовными*, для взора прежних эпох, быть может, более *безобразными*, но лишь потому, что он не способен видеть, как постепенно все углубляется и расширяется царство внутренней, духовной красоты и как для нас всех теперь одухотворенный взор может иметь большее значение, чем прекраснейшее строение тела и самое возвышенное архитектурное произведение.
<...>

5

Неправильное понимание сна. В эпохи грубой, первоначальной культуры человек полагал, что во сне он узнаёт *другой реальный мир*; здесь лежит начало всей метафизики. Без сна человек не имел бы никакого повода для деления мира на две половины. Деление на душу и тело также связано с самым древним пониманием сна, равно как и допущение воображаемого душевного тела, т. е. происхождение всей веры в духов и, вероятно, также веры в богов.

«Мертвый продолжает жить, *ибо* он является во сне живому» – так умозаключали некогда, много тысячелетий подряд.

Метафизика – это раздел философии, изучающий явления и процессы, имеющие имматериальную природу, но находящиеся в тесной связи с физическими явлениями и материальной природой, а также оказывающие друг на друга взаимное влияние (от *греч.* *meti ta physika* – «то, что за физическим»).

6

Научный дух могуществен в частностях, но не в целом. Отдельные, самые мелкие области науки трактуются чисто объективно; в отношении же общих крупных наук, рассматриваемых как целое, легко возникает вопрос – весьма необъективный вопрос: к чему они? какую пользу они приносят? В силу этого соображения полезности они, как целое, трактуются менее безлично, чем в своих частях. Наконец, в философии, как в вершине всей пирамиды знания, произвольно поднимается вопрос о пользе познания вообще, и каждая философия бессознательно имеет намерение приписать ему *высшую* полезность. Поэтому во всех философиях есть столько высоко парящей метафизики и такая боязнь незначительных с виду решений физики: ибо значительность познания для жизни *должна* казаться возможно большей. В этом антагонизм между отдельными научными областями и философией. Последняя, подобно искусству, хочет придать жизни и действованию возможно большую глубину и значительность; в первых ищут только познания, и ничего более, – что бы из этого ни вышло. Не существовало доселе еще ни одного философа, в чьих руках философия не превращалась бы в апологию познания; в этом пункте по крайней мере каждый философ оптимист и уверен, что познанию должна быть приписана высшая полезность. Все они тиранизированы логикой, а логика есть по своему существу оптимизм.

7

Возмутитель спокойствия в науке. Философия отделилась от науки, когда она поставила вопрос: каково то познание мира и жизни, при котором человек живет счастливее всего? Это совершилось в сократических школах: точка зрения *счастья* задержала кровообращение научного исследования – и задерживает его еще и поныне. <...>

9

Метафизический мир. Несомненно, что метафизический мир мог бы существовать; абсолютная возможность этого вряд ли может быть оспариваема. Мы видим все вещи сквозь человеческую голову и не можем отрезать этой головы; а между тем все же сохраняет силу вопрос: что осталось бы от мира, если отрезать голову? Это есть чисто научный вопрос, мало способный озабочивать человека; но все, что доселе делало метафизические допущения *ценными, ужасными, радостными* для людей, что их создавало, есть страсть, заблуждение и самобман: веру в них воспитывали не самые лучшие, а самые худшие методы познания. Открыть эти методы как основу всех существующих религий и метафизик – значит опровергнуть их!

Здесь хорошо обратиться к работе Ганса Файхингера «Ницше как философ», в которой дается такое пояснение: «Ницше признает “вечное возвращение” всех вещей, “вечную жизнь”. Но как не похоже это понятие на понятие того же написания в религии. Христианство обещает вечную жизнь

тому, кто в этой преходящей жизни распинает свою плоть, отрекается от своего эгоистического “я” и следует заповеди всеобщей любви к людям, – тому, кто поступает совершенно иначе, чем наставляет Ницше. Поэтому у Ницше замечается сильная антирелигиозная, и в частности антихристианская, тенденция <...> Со времени Вольтера и Фейербаха религия не имела больше ни одного столь ожесточенного врага».

Тогда все еще сохраняется указанная выше возможность; но с ней просто нечего начать, не говоря уже о том, чтобы можно было ставить счастье, благо и жизнь в зависимость от хитросплетений такой возможности. – Ибо о метафизическом мире нельзя было бы высказать ничего, кроме того, что он – иной мир, что это есть недоступное, непостижимое иное бытие; это была бы вещь с отрицательными качествами. – Если бы существование такого мира было доказано совершенно точно, то все же было бы несомненно, что самое безразличное из всех познаний есть именно его познание; еще более безразличное, чем моряку среди опасностей бури – познание химического анализа воды.

10

Безвредность метафизики в будущем. Как только религия, искусство и мораль будут описаны в их происхождении, так что их можно будет сполна объяснить, не прибегая к допущению *метафизических вмешательств* в начале и в середине пути, – прекратится сильнейший интерес к чисто теоретической проблеме «вещи в себе» и «явления». Ибо – как бы дело ни обстояло здесь – через религию, искусство и мораль мы не прикасаемся к «существу мира в себе»; мы находимся в области представления, и никакое «чаяние» не может унести нас дальше. Вопрос о том, каким образом наша картина мира может так сильно отличаться от освоенного существа мира, будет с полным спокойствием предоставлен физиологии и истории развития организмов и понятий.

Вещь в себе – философский термин, обозначающий объекты умопостигаемые, в отличие от чувственно воспринимаемых феноменов; вещь как таковая, вне зависимости от нашего восприятия.

Явление – вообще всё, что чувственно воспринимаемо; особенно бросающееся в каком-то отношении в глаза.

11

Язык как мнимая наука. Значение языка для развития культуры состоит в том, что в нем человек установил особый мир наряду с прежним миром, – место, которое он считал столь прочным, что, стоя на нем, переворачивал остальной мир и овладевал им. Поскольку человек в течение долгих эпох верил в понятия и имена вещей как в *aeternae veritates*⁴, он приобрел ту гордость, которая возвысила его над животным: ему казалось, что в языке он действительно владеет познанием мира. Творец языка не был настолько скромн, чтобы думать, что он дал вещам лишь новые обозначения; он мнил, напротив, что выразил в словах высшее знание вещей; и действительно, язык есть первая ступень в стремлении к науке.

Вера в найденную истину явилась и здесь источником самых могущественных сил. Гораздо позднее – лишь теперь – людям начинает уясняться, что своей верой в язык они

⁴ Вечные истины (лат.).

распространили огромное заблуждение. К счастью, теперь уже слишком поздно, и развитие разума, основанное на этой вере, не может быть снова отменено. – И *логика* также покоится на предпосылках, которым не соответствует ничего в действительном мире, например, на допущении равенства вещей, тождества одной и той же вещи в различные моменты времени; но эта наука возникла в силу противоположной веры (что такого рода отношения подлинно существуют в реальном мире).

Логика (от *греч.* Logos – «слово», «понятие», «разум») – мастерство рассуждения, наука о формах и методах интеллектуальной познавательной деятельности.

Так же обстоит дело с *математикой*, которая, наверно, не возникла бы, если бы с самого начала знали, что в природе нет точной прямой линии, нет действительного круга и нет абсолютного мерил величины.

12

Сон и культура. Мозговая функция, наиболее нарушаемая сном, есть память. Не то чтобы она совсем приостанавливалась – но она сведена к такому состоянию несовершенства, в каком она находилась, вероятно, в первобытные времена у всякого человека днем и наяву. Будучи произвольной и спутанной, она постоянно смешивает вещи на основании самых мимолетных сходств; но с такой же произвольностью и смутностью народы сочиняли свои мифологии, и еще теперь путешественники часто замечают, как сильно дикарь склонен к забывчивости и как его дух, после краткого напряжения памяти, начинает шататься по сторонам, и от простого утомления он говорит ложь и бессмыслицу. Но все мы во сне похожи на такого дикаря; плохое узнавание виденного и ошибочное отождествление есть источник дурных умозаключений, в которых мы повинны во время сна; так что, когда мы отдаем себе ясный отчет в нашем сне, мы пугаемся, что в нас таится столько безумия. – Совершенная отчетливость всех представлений сна, которая опирается на безусловную веру в их реальность, напоминает нам состояние прежнего человечества, когда галлюцинации были чрезвычайно часты и иногда охватывали одновременно целые общины и целые народы. Итак, во сне и его грехах мы снова проходим урок прежнего человечества.

13

Логика сна. Во сне наша нервная система постоянно возбуждается множеством внутренних поводов, почти все органы находятся в деятельности, кровь совершает свой бурный круговорот благодаря положению спящего, отдельные члены придавлены, покрывала влияют различно на ощущения, желудок переваривает и беспокоит своими движениями другие органы, кишечник извивается, положение головы определяет собой необычное положение мускулов, ноги, оставаясь необутыми и не опираясь подошвами на почву, причиняют ощущение необычного, равно как и иное одеяние всего тела, – всё это, ежедневно меняясь, усиливаясь и ослабевая, своею необычностью возбуждает всю систему вплоть до функции мозга. И таким образом, у духа есть сотни поводов удивляться и искать *причин* этого возбуждения; сон же есть *искажение и представление причин* для этих возбужденных ощущений, т. е. мнимых причин. У кого, например, ноги опоясаны двумя ремнями, тому, может быть, снится, что две змеи обвиваются вокруг его ног; это есть сначала гипотеза, затем вера, сопровождаемая образным представлением и измышлением: «эти змеи должны быть *causa*⁵ того ощущения, которое испытываю я,

⁵ Причина (*лат.*).

спящий» – так судит дух спящего. Умозаключенное таким образом прошлое становится для него благодаря возбужденной фантазии настоящим. Так, всякий по личному опыту знает, как быстро спящий вплетает в свой сон доходящий до него сильный звук, например звон колоколов или пушечный выстрел, т. е. объясняет его *задним числом*, так что ему *кажется*, что он сперва пережил обуславливающие обстоятельства, а затем уже данный звук. – Но почему же дух спящего всегда ошибается, тогда как дух бодрствующий обыкновенно столь трезв, осторожен и скептичен в отношении гипотез? – Почему он удовлетворяется первой попавшейся гипотезой для объяснения чувства и тотчас же верит в ее истинность? (Ибо во сне мы верим в сон, как будто он есть реальность, т. е. мы считаем нашу гипотезу вполне доказанной.) – Я полагаю: как еще теперь человек умозаключает во сне, так человечество умозаключало и *на яву* много тысячелетий подряд: первая *causa*, которая приходила в голову, чтобы объяснить что-либо нуждавшееся в объяснении, была достаточна и принималась за истину. (Так, согласно рассказам путешественников, поступают дикари еще и теперь.) Во сне это первобытное свойство человечества возрождается в нас, ибо это есть основа, на которой развился и еще развивается в каждом человеке высший разум: сон переносит нас назад, к отдаленным эпохам человеческой культуры, и дает нам средство лучше понять их. <...>

15

В мире нет ничего «внутреннего» и «внешнего». Подобно тому как Демокрит перенес понятия «верх» и «низ» на бесконечное пространство, где они не имеют никакого смысла, так философы вообще перенесли понятия «внутри» и «снаружи» на сущность и явление мира; они мнят, что глубокие чувства вводят глубоко внутрь и приближают к сердцу природы. Но эти чувства глубоки лишь в том смысле, что ими, еле заметно, постоянно возбуждаются известные сложные группы мыслей, которые мы называем глубокими; чувство глубоко, потому что мы считаем глубокой сопровождающую его мысль.

Демокрит Абдерский – древнегреческий философ, предположительно ученик Левкиппа, один из основателей материалистической философии и атомистики.

Но «глубокая» мысль может все же быть весьма далека от истины, как, например, всякая метафизическая мысль; если от глубокого чувства отнять примешанные к нему элементы мысли, то останется *сильное* чувство; последнее же свидетельствует для познания только о самом себе, точно так же как сильная вера доказывает только свою силу, а не истинность своего объекта. <...>

17

Метафизические объяснения. В юности человек ценит метафизические объяснения, потому что они обнаруживают ему в вещах, которые он находил неприятными или презренными, нечто весьма значительное; и если он недоволен собой, то это чувство облегчается, когда он узнаёт глубочайшую загадку мира или несчастье мира в том, что он не одобряет в себе. Чувствовать себя самого менее ответственным и вместе с тем находить вещи более интересными – есть для него двойное благодеяние, которым он обязан метафизике. Позднее, правда, он начинает испытывать недоверие ко всему метафизическому способу объяснения; тогда, быть может, он также усматривает, что эти результаты достижимы другим путем и более научным способом, что физические и исторические объяснения по меньшей мере столь же возбуждают это чувство безответственности и что интерес к жизни и ее проблемам разгорается при этом, быть может, еще более.

В ранний период своей философской деятельности Ницше искал метафизического утешения и находил его в созерцании единой вечной сущности, того безусловного, подлинного бытия, которое уже «не может быть отрицаемо». Потом он пришел к заключению, что над миром явлений нет ничего безусловного, «ничего такого, чего бы нельзя было высмеять». И для него не стало больше утешения метафизического. И он стал искать утешения уже не по ту сторону, а по эту сторону мироздания.

18

Основные вопросы метафизики. Если некогда будет написана история происхождения мышления, то будет озарено новым светом и следующее суждение одного выдающегося логика: «Первичный всеобщий закон познающего субъекта состоит во внутренней необходимости познавать каждый предмет сам по себе, в его собственном существе, как тождественный самому себе, т. е. как самостоятельно существующий и в основе пребывающий и неизменный – словом, как субстанцию». И этот закон, который назван здесь «первичным», имеет происхождение: когда-нибудь будет показано, как постепенно в низших организмах возникла эта склонность; как подслеповатые кротовьи глаза этих организаций сначала видели всюду одно и то же; как затем, когда стали ощутительнее различные возбуждения удовольствия и страдания, постепенно начали различаться разные субстанции, но каждая – с *одним* только атрибутом, т. е. с единственным своим отношением к такому организму. – Первая ступень логического есть суждение; сущность же его состоит, согласно признанию лучших логиков, в вере. В основе всякой веры лежит *чувство приятного или болезненного* в отношении к ощущающему субъекту. Новое, третье чувство, как результат двух предшествовавших отдельных чувств, есть суждение в его низшей форме. – Нас, органических существ, первоначально интересует в каждой вещи только ее отношение к нам в смысле удовольствия и страдания. Между моментами, когда мы сознаем это отношение, – между состояниями чувств – лежат состояния покоя, бесчувственности: тогда мир и все вещи лишены интереса для нас, мы не замечаем никакого изменения в них (как еще теперь человек, страстно заинтересованный чем-либо, не замечает, когда кто-нибудь проходит мимо него). Для растения обыкновенно все вещи покойны, вечны, каждая вещь равна самой себе. От периода низших организмов человек унаследовал веру, что существуют *одинаковые вещи* (лишь опыт, развитый при высшем уровне науки, противоречит этому суждению). Первичная вера всего органического с самого начала состоит, быть может, даже в том, что весь остальной мир един и неподвижен. – Менее всего этой первичной ступени логического развития доступна мысль о *причинности*; еще теперь даже мы, в сущности, считаем все ощущения и действия актами свободной воли; когда чувствующий индивид рассматривает самого себя, всякое ощущение, всякое изменение представляется ему чем-то *изолированным*, т. е. безусловным, бессвязным: оно всплывает из нашего сознания без связи с прошедшим или будущим. Мы чувствуем голод, но первоначально не думаем, что организм ищет самосохранения; напротив, это чувство, по-видимому, сказывается *без основания и цели*, оно изолируется и считает себя *произвольным*. Итак, вера в свободу воли есть первоначальное заблуждение всего органического мира, столь же старое, как первые пробуждения логической мысли; вера в безусловные субстанции и в одинаковые вещи есть также первоначальное, столь же старое заблуждение всего органического мира. И поскольку вся метафизика преимущественно занималась субстанцией и свободой воли, ее можно обозначить как науку, трактующую об основных заблуждениях человека, – но только так, как будто бы это были основные истины.

Число. Открытие законов чисел было сделано на почве первоначально уже господствовавшего заблуждения, что существует множество одинаковых вещей (тогда как в действительности нет ничего одинакового) и по меньшей мере что существуют вещи (тогда как не существует никакой «вещи»). Допущение множественности всегда уже предполагает, что существует *нечто*, что встречается неоднократно; но именно здесь уже царит заблуждение, уже здесь мы измышляем сущности, единства, которых нет на самом деле. – Наши ощущения пространства и времени ложны, ибо, будучи последовательно проверены, они приводят к логическим противоречиям. Во всех научных выводах мы неизбежно всегда включаем в расчет некоторые ложные величины; но так как эти величины по крайней мере *постоянны*, как, например, наше ощущение времени и пространства, то результаты науки приобретают все же совершенную строгость и точность в их взаимоотношении между собою; на них можно опираться – до того последнего, конечного вывода, в котором ошибочные основные допущения – упомянутые постоянные ложные величины – вступают в противоречие с результатами, например в атомистической теории.

Атомизм – теория, согласно которой чувственно воспринимаемые (материальные) вещи состоят из химически неделимых частиц – атомов. Возникла в древнегреческой философии. Дальнейшее развитие получила в философии и науке Средних веков и Нового времени. Термин «атомизм» употребляется в двух смыслах. В широком смысле атомизмом называется любое учение об атомах, в узком – древнегреческая философская школа V–IV веков до н. э. В обоих случаях употребляется также термин «атомистика».

Тут мы все еще чувствуем себя вынужденными допустить «вещь» или материальный «субстрат», который движется, – тогда как вся научная работа именно и преследовала задачу разложить все вещеобразное (материальное) на движения: мы и здесь еще различаем в нашем ощущении между движущим и движимым и не можем выйти из этого круга, ибо вера в вещи издавна вросла в наше существо. <...>

Субстрат (от позднелат. Substratum – «основа», «подстилка») – общая основа многообразных явлений; основа общности или сходства однородных явлений; совокупность относительно простых, в определенном смысле элементарных оснований, взаимодействие которых обуславливает свойства какой-то системы или процесса.

Возможность прогресса. Когда ученый старой культуры дает себе клятву не иметь сношений с людьми, которые верят в прогресс, он прав. Ибо старая культура имеет свое величие и благодать позади себя, и историческое образование вынуждает признать, что ей никогда уже не удастся восстановить былую свежесть; нужна невыносимая тупость или столь же несносная мечтательность, чтобы отрицать это. Но люди могут *сознательно* решиться развивать в себе новую культуру, тогда как прежде их развитие шло бессознательно и случайно; они могут создать теперь лучшие условия для рождения людей, для их питания, воспитания, обучения; они могут рассудительно управлять миром как целым, взаимно оценивать и распределять общие силы человечества. Эта новая, сознательная культура уничтожает старую, которая, рассматриваемая в целом, вела бессознательную животную или растительную жизнь; она уни-

чтожает также недоверие к прогрессу – прогресс *возможен*. Я хочу сказать: преждевременно и почти бессмысленно верить, что прогресс должен наступить *необходимо*; но как можно отрицать, что он возможен? Напротив, прогресс в духе старой культуры и на ее пути даже немислим. Когда романтическая фантастика все еще употребляет слово «прогресс» в применении к своим целям (например, к замкнутым оригинальным народным культурам), то она во всяком случае заимствует его образ из прошлого, ее мышление и представление в этой области лишены всякой оригинальности.

25

Частная и мировая мораль. С тех пор как утрачена вера, что Бог руководит судьбами мира в целом и, несмотря на все кажущиеся отклонения в пути человечества, все же превосходно ведет его, – люди должны сами ставить себе вселенские, объемлющие всю Землю, цели. Прежняя мораль, в особенности мораль Канта, требует от отдельного человека действий, которых можно желать от всех людей; это было прекрасное наивное мнение: как будто кто-либо без дальнейших размышлений знает, при каком поведении человечество как целое преуспевает, т. е. какие действия вообще желательны; эта теория, подобно учению о свободе торговли, предполагает, что всеобщая гармония *должна* возникнуть сама собою по врожденным законам развития.

Иммануил Кант (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

Мораль, согласно Канту, нельзя рассматривать лишь как способ достижения какого-то результата. По Канту, в морали человек должен сам осознавать необходимость определенных действий и сам понуждать себя к этому. Утверждая свободу, человек выступает творцом собственного нравственного мира, он сам себе предписывает закон действий.

Быть может, будущий обзор потребностей человечества признает отнюдь не желательным, чтобы все люди поступали одинаково; напротив, в интересах вселенской цели придется для отдельных этапов человечества поставить специальные задачи, при случае, быть может, даже дурные задачи. – Во всяком случае, если человечество не хочет погубить себя таким планомерным всеобщим управлением, то должно быть найдено в неизвестном доселе размере *знание условий культуры* как научное мерило для вселенских целей. В этом состоит огромная задача великих умов ближайшего века.

26

Реакция как прогресс. Иногда появляются резкие, могущественные и захватывающие, но тем не менее отсталые умы, которые еще раз воскрешают пройденную фазу человечества; они служат доказательством, что новые направления, которым они противодействуют, еще недостаточно сильны, что в них чего-то не хватает: иначе последние сумели бы лучше отразить этих заклинателей прошлого. Так, например, Реформация Лютера свидетельствует о том, что в его эпоху все движения свободы духа были еще неверными, робкими, юношескими; наука еще не могла поднять головы.

Мартин Лютер (1483–1546) – христианский богослов, переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из направлений протестантизма (лютеранство). Основой его реформаторской деятельности было стремление показать, что священники не являются посредниками между

Богом и человеком, что они лишь должны направлять паству и являть собой пример истинных христиан. «Человек спасает душу не через Церковь, а через веру», – писал Лютер. Он опровергал догмат божественности личности папы, при этом он ссылался на православную церковь, которая обходится без папы и его безграничных полномочий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.